

<i>январь 2006</i>	ХАМАС выигрывает выборы в Законодательный совет ПНА, после чего формирует правительство во главе с И. Ханийей
<i>март 2006</i>	Новый премьер-министр Израиля Э. Ольмерт обнародует программу «консолидации» (не реализована)
<i>июль–август 2006</i>	Вторая ливанская война
<i>июнь 2007</i>	ХАМАС захватывает всю полноту власти в Газе. Формирование двух обособленных палестинских правительств: во главе с С. Файядом — на Западном берегу и во главе с И. Ханийей — в Газе
<i>ноябрь 2007</i>	Переговоры премьер-министра Израиля Э. Ольмерта и главы ПНА М. Аббаса под патронажем президента США Дж. Буша в Анаполисе (фактически ни к чему не привели)
<i>декабрь 2008 — январь 2009</i>	Израильская война против ХАМАСа в секторе Газа (операция «Литой свинец»)

Глава I

СКОЛЬКО ГОСУДАРСТВ ДЛЯ СКОЛЬКИХ НАРОДОВ? ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

С приходом к власти в США нового президента Барака Обамы, как это обычно бывает, начался новый раунд «войны за мир на Ближнем Востоке». За пять дней до инаугурации новоизбранный президент США Барак Обама в телевизионном интервью компании CBS заявил, что намерен приложить «усилия для воцарения мира и спокойствия на Ближнем Востоке с первого дня пребывания на президентском посту»¹. Еще раньше в интервью телекомпании ABC Б. Обама заявил, что на Ближнем Востоке необходим «справедливый и авторитетный посредник, который пользуется безоговорочным доверием воюющих сторон и расценивается ими, как беспристрастный участник мирного процесса, помогающий искать выход из сложившейся ситуации». Ни о каком новом посреднике президент США, однако, не говорил; с его точки зрения, задача состояла (и состоит) в том, чтобы реконструировать имидж США как наиболее беспристрастного и эффективного третейского судьи. Несмотря на громкие заявления о новых подходах к урегулированию одного из наиболее застарелых мировых конфликтов, на ключевые позиции были назначены люди, уже много лет достаточно

безуспешно пробующие свои силы на этой ниве. 22 января 2009 года специальным посланником президента США на Ближнем Востоке был назначен бывший сенатор Джордж Митчелл, уже возглавлявший комиссию, созданную с целью поиска выхода из тупика, ставшего результатом краха переговоров в Кемп-Дэвиде и начала второй интифады в 2000 году. Комиссия Митчелла представила свой отчет 30 апреля 2001 года, и этот документ не имел никакого реального позитивного влияния на направления региональной политики. 25 июня 2009 года специальным помощником президента Б. Обамы и ответственным за регион Ближнего и Среднего Востока в Совете национальной безопасности США стал Деннис Росс, бывший директором отдела планирования в Госдепартаменте США в период правления президента Дж. Буша-старшего и специальным посланником по Ближнему Востоку при президенте Б. Клинтоне, в том числе и во время подготовки и проведения провалившегося саммита в Кемп-Дэвиде. Иными словами, «перезагрузка» американской политики на Ближнем Востоке поручено осуществлять людям, деятельность которых, какими бы светлыми ни были их изначальные намерения, не привела к прорыву в процессе мирного урегулирования в те годы, когда они непосредственно занимались данным кругом вопросов. Выходит, что и сегодня американская (и шире — международная) дипломатия руководствуется в ближневосточной политике подходами, сформировавшимися еще в период процесса Осло, одними из вдохновителей и центральных действующих лиц которого были нынешний президент Израиля Шимон Перес и глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас. Процесс Осло закончился сокрушительным фиаско саммита в Кемп-Дэвиде (где израильскую делегацию возглавлял нынешний вице-

премьер и министр обороны Эхуд Барак), и об этом написана уже полка книг; при этом люди, игравшие ключевую роль в палестино-израильских отношениях тогда, играют ее и сейчас. Можно ли говорить о том, что из недавнего прошлого извлечены адекватные уроки? Насколько дипломаты и специалисты, задействованные в политических процессах в ближневосточном регионе, понимают причины, по которым мирные переговоры не привели к миру, обернувшись новыми витками эскалации: второй интифадой, захватом ХАМАСом власти в Газе, обстрелами израильской территории ракетами и минометными снарядами, широкомасштабной военной операцией «Литой свинец» против различных целей в Газе? Попытке суммировать шестнадцатилетний опыт (начиная с 1993 года) палестино-израильских отношений в контексте региональной и международной политики и посвящена настоящая монография.

И соглашения Осло, и обнародованная спустя десять лет, 30 апреля 2003 года, «Дорожная карта» урегулирования основного ближневосточного конфликта, рассматривали палестино-израильский политический процесс как «поступательный», то есть выполнение каждого из перечисленных шагов будет условием для начала выполнения следующего. При этом в обоих документах не были прописаны временные рамки окончательного урегулирования, хотя был предопределен его формат (в соглашениях Осло завуалировано, в «Дорожной карте» — прямо): два государства для двух народов. При этом ни в соглашениях Осло, ни в «Дорожной карте» от палестинцев не требовалось признать Израиль в качестве еврейского государства, это условие фактически было впервые выдвинуто Биньямином Нетаньяху в его программном выступлении в Университете Бар-Илан 14 июня 2009 года. Слова Б. Нетаньяху

о том, что «фундаментальной предпосылкой для завершения конфликта должно стать публичное, обязывающее и недвусмысленное признание палестинцами Израиля как государства еврейского народа»², стали, пожалуй, первым индикатором о том, каким будет одно из тех двух государств, о которых можно помыслить в контексте парадигмы «двух государств для двух народов».

При этом следует помнить, что в тот самый момент, когда Б. Нетаньяху произносил эти слова, численность арабов, друзов и бедуинов в «государстве еврейского народа» достигла полутора миллионов человек, превысив 20% населения страны, и хорошо бы понимать, как глава правительства Израиля видит их место на будущей карте «двух государств для двух народов». На сегодняшний день этот вопрос содержательно практически не обсуждается, разговоры, если и ведутся, то лишь о проблеме еврейских поселений, существующих на территории, на которой может быть создано Палестинское государство, но о полутора миллионах арабоязычных граждан Израиля в контексте парадигмы «двух государств для двух народов» практически не упоминается. Эта тема рассматривается в ином контексте, а именно — в связи с требованиями гражданского равноправия всех жителей Израиля вне зависимости от их этнической, национальной и/или конфессиональной идентичности, и, потрясающим образом, эти два дискурса — о мирном урегулировании конфликта (и тогда, коли для двух народов — два государства, Израиль таки да государство именно еврейского народа) и об обеспечении гражданского равенства (и тогда Израиль оказывается государством всех своих граждан, лишенным четко выраженного национального характера) — дискурсы эти почти не пересекаются, как будто речь идет о явлениях, меж собой никак не связанных.

Кроме того, остро встает и вопрос о том, насколько разумно и в принципе возможно объединять в единое палестинское государство два анклава — сектор Газа и Западный берег Иордана, которые в прошлом находились под управлением разных государств (соответственно, Египта и Иордании), а ныне управляются двумя никак не взаимодействующими между собой правительствами во главе с, соответственно, Исмаилом Ханией и Саламом Файядом. Международные посредники механически требуют от правительства Израиля согласиться на создание палестинского государства, едва ли осознавая, что создать одно палестинское государство, управляемое едиными органами власти, сегодня практически невозможно совершенно безотносительно к тому, согласен или нет на это израильское руководство.

Историческая преемственность, проявлявшаяся в соглашениях Осло-1 (1993) и Осло-2 (1995), в «параметрах Клинтона» (2000), «Дорожной карте» (2003), Анопалисских договоренностях (2007) очень существенна, и можно даже утверждать, что до тех пор, пока стороны и заинтересованные наблюдатели не изменят свое отношение к самому процессу урегулирования этого конфликта, последующие миротворческие инициативы, вероятнее всего, будут основаны на тех же принципах, что и предыдущие, в результате оказываясь столь же непродуктивными. Эта отмеченная преемственность требует пересмотра основополагающих предпосылок переговорного процесса, касающегося решения палестинской проблемы, а также всего наследия миротворческого процесса в рамках арабо-израильского конфликта, поскольку это наследие обусловило появление многочисленных миротворческих инициатив, создав определенные ожидания касательно природы израильско-палестинского конфликта, возможностей его мирного урегулирования, а также роли

наблюдателей и посредников извне. Начать надо с самых фундаментальных вопросов — действительно ли переговоры, направленные на урегулирование палестинской проблемы, должны вестись исключительно представителями Израиля и Палестинской администрации, либо же эта проблема не имеет решения в двустороннем формате, без участия арабских стран, контролировавших сектор Газа и Западный берег в 1949–1967 гг. — Египта и Иордании, соответственно. Кроме того, имеет смысл задуматься над тем, можно ли в нынешних условиях рассчитывать на то, что какие-либо соглашения, заключенные с администрацией М. Аббаса будут признаны правительством ХАМАСа в секторе Газа, члены которого, несмотря на масштабное более чем трехлетнее израильское и международное давление, так и не сформулировали каких-либо внятных условий, на которых они готовы признать Израиль и вести переговоры с его полномочными руководителями.

Палестино-израильский конфликт, являясь, разумеется, частью арабо-израильского противостояния, по многим характеристикам является уникальным. Палестинцы имеют два анклава, обладающих квазигосударственным статусом, при этом израильская армия и силы безопасности делают в каждом из них что хотят и когда хотят. В отличие от «непризнанных государств», таких, как Приднестровская Молдавская республика, Нагорный Карабах, Южная Осетия или Абхазия, нынешнюю территорию Палестины практически невозможно внятно очертить на карте, и у ее властей (что на Западном берегу, что в Газе) совершенно точно нет возможностей защитить свою безопасность и территориальную целостность. Палестинцы на Западном берегу и в Газе знают, что израильские власти могут в любой момент времени инициировать любые меры, ущемляющие их права,

будь то начало более или менее масштабной военной операции, в том числе и в густонаселенных центральных районах больших городов; закрытие всех или части КПП между этими территориями и пограничными странами, а также между различными городами и деревнями, расположенными на самих этих территориях; введение режима блокады, при котором жителям этих территорий запрещен въезд в Израиль, причем применительно к Газе блокада может быть (и есть) не только сухопутной, но и морской и воздушной и т.д. Палестина — уникальное политико-географическое формирование, которое имеет два независимых (в том числе и друг от друга) правительства, но при этом члены которого могут быть в любой момент задержаны, арестованы и даже убиты израильскими силовыми структурами. Однако и Израиль является достаточно уникальным политико-географическим образованием, так как вот уже более сорока лет он не имеет четко очерченных границ, и сотни тысяч его граждан при более или менее активной поддержке органов власти поселились и живут на территориях, которые не только с точки зрения международного права, но и с точки зрения собственно израильского законодательства не являются частью государства. Таким образом, палестино-израильский конфликт представляет собой противостояние «больше, чем государства» с двумя «меньше, чем государствами», причем каждый пятый гражданин первого с национальной, языковой, культурной и, как правило, конфессиональной точек зрения является частью некоей арабо-мусульманской палестинской общности, к которой принадлежат и жители обоих «меньше, чем государств». Это положение вещей достаточно наглядно демонстрирует, насколько мало связанной с реальностью является борьба за «два государства для двух народов».

В отличие от конфликтов между государствами, участники межгрупповых конфликтов не постоянны и не имеют ни независимости, ни четкого территориального определения³. Как следствие, лидеры таких групп, во-первых, не обладают ни монополией на применение силы (ярким свидетельством чего стали многочисленные террористические акты, проведенные всевозможными «фронтами» и «бригадами», мало, если вообще, контролировавшимися официальными руководителями органов власти Западного берега и Газы: покойным Я. Арафатом, М. Аббасом или И. Ханией), ни достаточных гарантий на одобрение со стороны их избирателей (свидетельством чего стали выборы, проигранные возглавлявшимся М. Аббасом ФАТХом в 2006 году, равно как и выборы в Израиле, проигранные «левыми» правительственными коалициями после подписания и реализации соглашений Осло и после провала переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе, соответственно, в 1996 и 2001 гг.). Во-вторых, в отличие от государств, которые защищены от исчезновения нормами международного права, группы сталкиваются с угрозой «этнической чистки» и ее радикальной формы — геноцида; подобный страх довлеет как над палестинскими арабами (особенно в свете Накбы 1948 года), так и над евреями-израильянами (прежде всего, в свете Холокоста)⁴. Межгрупповые конфликты, таким образом, отличает ярко выраженный характер острого противоборства, беспорядочность и склонность к анархии; они пробуждают в участниках радикальное понимание собственного своеобразия и готовности к самым крайним мерам во имя обеспечения безопасности; различия между участниками вооруженного конфликта с обеих сторон и гражданским населением расплывчаты. Учитывая, что служба в армии в Израиле — обязательная, и мужчины призываются на порой весьма про-

должительные резервистские сборы и в 25, и в 35, и в 45 лет, можно и в самом деле придти к выводу, сделанному бывшим начальником Генерального штаба ЦАХАЛа И. Ядином: «Каждый гражданин страны — это солдат, находящийся в одиннадцатимесячной увольнительной»⁵; при таком подходе, где же найти в стране собственно гражданское население? Аналогичным образом, существует очевидная проблема разделения между «боевиками» и «гражданским населением» в палестинском социуме, причем насколько верно утверждение о том, что большинство палестинцев в террористических актах непосредственно не участвует, настолько же верно и то, что это большинство террор не осуждает, а, скорее, напротив, видит во взрывающихся в автобусах самоубийцах и ракетчиках, запускающих свои изделия (зачастую, кустарного производства) по израильским домам, промышленным объектам и учебным заведениям национальных героев, о которых нужно рассказывать в школах и даже детских садах. Националистический милитаризм отличает палестинцев в едва ли не большей степени, чем израильян, и логика гражданского демократического государства, в котором бы соблюдались права меньшинств, в целом чужда им, и это бессмысленно отрицать. Лозунг ООП о создании на территории Палестины единого светского демократического государства (естественно, с арабским большинством) имел сугубо утилитарные цели, будучи обращенным к западной аудитории, восприимчивой к подобной риторике⁶. В самом палестинском социуме куда большим спросом пользуется лозунг «Огнем и кровью освободим тебя, Эль-Кудс» [Иерусалим] и ему подобные. Ни израильяне, ни палестинцы не стремятся к созданию гражданских государств; скорее напротив, в восприятии обоих народов критически важно избежать развития событий по такому сценарию, со-

храняя верность куда более «значимым» ценностям: земле Палестины/Эрец-Исраэль, «праву на возвращению», Иерусалиму как столице и т.д.

Научно-теоретическая база, применявшаяся в прошлом для изучения палестино-израильского конфликта, слишком часто строилась на наследии миротворческого процесса в рамках арабо-израильского урегулирования, являющегося межгосударственным, тогда как палестино-израильский конфликт — это, по существу, конфликт межобщинный⁷. Применимость теорий мирного урегулирования межгосударственных конфликтов к сфере конфликтов межобщинных была поставлена под сомнение отдельными экспертами еще во времена Холодной войны, а позднее открыто оспорена в период, когда было достигнуто то или иное урегулирование между противоборствующими группами в Южной Африке, Ливане и Северной Ирландии. Однако до сих пор в том, что касается палестино-израильского конфликта, доминирует именно подход межгосударственного урегулирования, который становится с годами всё менее и менее адекватным изменяющимся обстоятельствам. Представляется, что имеет смысл представить вкратце, какое место занимала «палестинская проблема» и попытки ее хотя бы частично разрешения в общем комплексе вопросов, касавшихся арабо-израильского урегулирования. История не начинается сегодня, и невозможно конструктивно выдвигать и обсуждать никакие новые идеи, не попытавшись понять, что и почему «не работало» в предшествующие десятилетия.

Глава II

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Любая попытка объяснить провал мирного процесса Осло должна учитывать наследие миротворческого процесса в рамках арабо-израильского конфликта, поскольку палестино-израильский конфликт в целом сложился как один из аспектов более широкой мозаики региональных противостояний. Именно это обстоятельство повлияло на формирование ожиданий в отношении процесса Осло и последовавших за ним миротворческих инициатив.

В ноябре 1947 года Генеральной ассамблеей ООН было принято решение о разделе Палестины/Эрец-Исраэль на два государства для двух соперничавших национальных общин — евреев и палестинских арабов. Первые были, главным образом, иммигрантами, бежавшими от преследований и заселявшими страну, которую они расценивали как свою историческую родину; вторые являлись на этой территории местными жителями, хотя и в этом случае немалая часть прироста населения объясняется иммиграцией. Хотя те, кто инициировал и принимал решение о разделе, надеялись таким образом мирно завершить тридцатилетнее британское мандатное правление, его результатом явилось обострение

конфликта между двумя общинами, который начал вырваться с того момента, как еврейские иммигранты впервые переселились в Палестину в конце XIX века. Сразу после принятого решения о разделе Палестины/Эрец-Исраэль на два государства — еврейское и арабское — начался достаточно массовый исход арабских жителей из Хайфы и других районов, где планировалось создание будущего еврейского государства. В стране фактически началась гражданская война между еврейской и арабской общинами.

В мае 1948 года после провозглашения независимости Государства Израиль на его территорию вторглись армии соседних арабских стран, и конфликт между двумя общинами превратился в войну с участием нескольких государств. Эта война закончилась в 1949 году подписанием на острове Родос соглашений о прекращении огня между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Ливаном, Иорданией и Сирией, с другой. Важно отметить, что палестинские арабы, большинство из которых в результате военных действий покинули места своего проживания (часть была изгнана, часть бежала сама, эта тема подробно изучена и описана⁸), не стали одной из сторон в этих переговорах. Хотя арабские страны вступили в войну с Израилем, аргументируя ее риторикой борьбы за интересы палестинских арабов, а египтяне даже сформировали в Газе т.н. «палестинское правительство» во главе с иерусалимским муфтием Х.А. аль-Хусейни, ни одна из этих стран не настаивала на участии палестинской делегации в переговорах или хотя бы на участии представителей местного арабского населения в качестве наблюдателей. Таким образом, возник прецедент, на основе которого впоследствии проблемы между арабами и израильтянами решались исключительно на межгосударственном уровне.

При этом, вопреки надеждам тогдашнего министра иностранных дел Израиля Моше Шарета, за Родосскими соглашениями о прекращении огня и разъединении войск не последовало заключения полноценных мирных договоров⁹. На несколько десятилетий в отношениях Израиля с его соседями воцарилась ситуация «ни мира, ни войны», причем даже и вспышки военных действий (весьма короткие, но имевшие большие последствия для всего региона) в 1956, 1967 и 1973 годах не приводили к смене парадигмы: от своей подписи под Родосскими соглашениями о прекращении огня ни одна из сторон формально не отказывалась, но и первый мирный договор между Израилем и одной из граничащих с ним стран был заключен только в самом конце 1970-х годов.

Уже в начале 1950-х годов, после убийства короля Иордании Абдаллы, более остальных готового к ведению переговоров с еврейским государством, в Израиле сложился внутривластный консенсус относительно практической недостижимости мирного урегулирования в связи с отказом арабских лидеров пойти на прямые переговоры с Д. Бен-Гурионом или уполномоченными им лицами. Именно отказ Г.А. Насера от прямых переговоров с израильскими официальными лицами в середине 1950-х годов подтолкнул Д. Бен-Гуриона к решению о неизбежности войны с Египтом, которая и произошла в конце октября — начале ноября 1956 года¹⁰.

Однако после Шестидневной войны в связи с получением Израилем контроля над Синайским полуостровом, сектором Газа, Западным берегом реки Иордан и Голанскими высотами, в руководстве страны стали вырваться идеи о возможностях заключения мирных соглашений в обмен на все завоеванные территории или их большую или меньшую часть¹¹. Обсуждение данного вопроса вылилось в многолет-

ную политическую дискуссию между сторонниками мирного урегулирования, разделявших принцип «мы за цену не постоим», и теми, кто полагал, что Израиль, будучи страной, выигравшей войну, вправе диктовать свои условия.

Дискуссия между теми, кого было принято называть «ястребы», и теми, кого называли «голуби», касалась, в основном, именно максимально приемлемой для Израиля цены мирных соглашений. Участники дебатов рассуждали об историко-религиозной значимости тех или иных занятых территорий и об их важности в контексте обеспечения безопасности страны. Так, если Синайский полуостров и Голанские высоты расценивались как стратегически важные территории, то Западный берег реки Иордан (Иудея и Самария) воспринимался прежде всего как неотъемлемая часть того великого прошлого, ради воссоединения с которым сионистское движение и предпочло Палестину/Эрец-Исраэль Аргентине, Уганде или Биробиджану. Ценность мира противопоставлялась другим ценностям: территориальным, стратегическим, идеологическим, религиозным и т.д. При этом многие считали, что само сравнение некорректно: территории — реальная, осязаемая ценность, в то время как «мир» — абстрактная, неопределенная и неконтролируемая величина, зависящая от дальнейшего развития отношений между сторонами. Вопрос состоял в поиске разумных и приемлемых условий, способных уравновесить осязаемые ценности и значимость «мира». При этом в израильском руководстве были как сторонники урегулирования палестинской проблемы в рамках прямых контактов с собственно местными палестинскими арабскими лидерами, так и противники отхода от парадигмы межгосударственных отношений, считавшие, что Израиль должен вести переговоры с теми странами, во владении или под контролем ко-

торых эти территории находились накануне Шестидневной войны. Пожалуй, наиболее активными сторонниками «палестинской опции» были видный дипломат и член правительства Элияху Сассон и его сын, также видный дипломат, Моше Сассон, добившиеся поддержки премьер-министра Леви Эшколя, в то время как в лагере их противников выделялись братья Хаим и Яков Герцоги, старший из которых был первым военным комендантом Западного берега, а в 1983 году стал президентом Израиля, а младший возглавлял администрацию премьер-министра. Возможность того или иного сепаратного соглашения с палестинскими представителями в отрыве от какого-либо межгосударственного соглашения между Израилем и арабскими государствами рассматривалась, и весьма серьезно, однако реализована она так и не была — ни в период правления Л. Эшколя, ни после его неожиданной кончины в конце февраля 1969 года¹².

Итоги победной Шестидневной войны отчетливо показали израильскому руководству, что оно само весьма и весьма ограничено в маневрах относительно возможностей отказаться от «плодов победы». Любая миротворческая деятельность, связанная с территориальными уступками, должна была рассматриваться как составляющая не только внешней, но и внутренней политики, причем она могла породить немалые проблемы для правительственной коалиции, свидетельством чего стал уход в оппозицию представителей правого блока партии «Херут» и либералов 6 августа 1970 года, когда кабинет Голды Меир выразил теоретическую готовность согласиться с мирной инициативой, выдвинутой госсекретарем США У. Роджерсом. Хотя в результате этот план реализован не был, правительственная коалиция успела распасться. Когда же урегулирование конфликта, пусть и частичное, стало практически осуществимым, взаимосвязь

между внешней и внутренней политикой превратилась в реальную проблему. Не всегда было понятно, с кем правительству сложнее договориться — с арабами или же с политическими противниками внутри самого Государства Израиль.

Израильский руководитель, готовый пойти на уступки значительно большие, чем это кажется оправданным большинству сограждан, играет ва-банк: он может подписать мирный договор, получить Нобелевскую премию и войти в историю (приведем в качестве примера Менахема Бегина), но может и получить в ответ на свои предложения по подписанию мирного соглашения новый виток террора и насилия, который будет стоить ему поста и карьеры (как это случилось, например, с Эхудом Бараком после неудач переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе). В конце концов, Ицхака Рабина — единственного премьер-министра Израиля, погибшего насильственной смертью, убили никак не арабы, не говоря уже о том, что каждое обострение конфликта приводило в последние тридцать лет к существенным изменениям политической конфигурации в стране.

В 1979 году был подписан первый мирный договор между Израилем и Египетом под покровительством президента США Дж. Картера. Это событие стало важной вехой в истории конфликта и его значение для последующих миротворческих усилий трудно переоценить. Приблизительно за полтора года до этого египетский президент Ануар Садат прибыл в Иерусалим, совершив «бесстрашный, оригинальный, яркий, беспрецедентный и вдохновенный поступок»¹³. Этим неожиданным порывом А. Садат стремился разрушить «психологический барьер», мешавший мирному урегулированию конфликта между двумя государствами. Кроме того, нанеся визит в Израиль, и, в конечном счете, возвратив себе вплоть до последнего сантиметра Синайский полуостров, А. Са-

дат не только укрепил точку зрения на арабо-израильский конфликт как на конфликт межгосударственный, но также задал модель для будущих миротворческих усилий: по мере того как лидеры арабских государств будут признавать Государство Израиль, оно будет возвращать все территории, занятые им в 1967 году. При этом, хотя израильско-египетские переговоры затрагивали целый ряд вопросов, касавшихся «палестинской проблемы», они обсуждались представителями двух стран с участием американских дипломатов, но, вновь, как и на Родосе за три десятилетия до этого, без участия самих палестинцев. Израиль официально согласился на создание палестинской автономии на территории Западного берега и сектора Газа (в тот период эта часть соглашения так и не была реализована), однако сделано это было не в рамках палестино-израильских двусторонних или палестино-израильско-египетских трехсторонних, а исключительно в контексте израильско-египетских сепаратных переговоров. Палестинский вопрос стал разменной картой, которую и Израиль, и арабские страны использовали в своих интересах, не привлекая при этом самих палестинских представителей к обсуждению судьбы их народа. Показательно, что сама по себе институционализация палестинского национального движения здесь никакой роли не играла, и подобно тому, как представители Общепалестинского правительства в Газе не были приглашены для участия в Родосских переговорах 1949 года, тридцать лет спустя признанная к тому моменту легитимным представителем всего палестинского народа ООП никак не была задействована в израильско-египетских двусторонних переговорах, пусть даже одной из их центральных тем было формирование палестинского самоуправления на контролируемых Израилем территориях.

Вторым прецедентом, повлиявшим на развитие арабо-израильских отношений, была так называемая «алжирская модель». После неудачной попытки подавить восстание в Алжире президент Шарль де Голль кардинально изменил политику Франции по отношению к непокорной колонии, кульминацией чего стал полный уход французских сил из Алжира и провозглашение его независимости. Для начинавших в те годы свой путь в политике палестинских деятелей сопротивление борьба Алжира за независимость во многом была моделью для подражания.

Одновременно алжирский опыт продемонстрировал, что именно политик-«силовик» с генеральскими погонами может стать тем человеком, который будет готов к решительным шагам в направлении мирного урегулирования застарелого конфликта, будучи готовым к значительным уступкам в направлении деколонизации и ухода с занятых в прошлом территорий. Показательно, что подобным образом события трижды развивались впоследствии и в Израиле, *каждый раз*, когда к власти приходили кадровые военные: генералы армии в отставке Ицхак Рабин и Эхуд Барак и генерал в отставке Ариэль Шарон, предпринимались решительные шаги в направлении размежевания с палестинскими арабами. Во время правления И. Рабина были подписаны соглашения Осло-1 (1993) и Осло-2 (1995) и создана Палестинская национальная администрация (1994). В период правления Э. Барака на переговорах с Я. Арафатом и его соратниками в Кемп-Дэвиде (2000) и Табе (2001) израильские официальные лица выразили готовность на масштабные уступки в беспрецедентных размерах, как по поводу отступления почти со всей территории Западного берега (Иудеи и Самарии), так и относительно возможного раздела Иерусалима. А. Шарон, будучи премьер-министром, после тридцати восьми лет во-

енного и гражданского присутствия, вывел все израильские поселения и силы из сектора Газа и Северной Самарии (2005). То есть именно люди, всю жизнь занимавшиеся ведением боевых действий и антитеррористических кампаний, в том числе и прежде всего, против палестинских арабов, оказавшись во главе пирамиды гражданской власти, делали наиболее решительные шаги в направлении прекращения израильского контроля над жизнью палестинцев.

Арабо-израильские отношения долгие годы характеризовались достаточно симметричными взаимными ожиданиями сторон: тогда как многие израильтяне ждали арабского лидера (условного «Садата»), который протянет руку мира еврейскому государству, положив конец многим десятилетиям вражды, многие арабы (равно как и немалое число израильтян) ждали израильского лидера — условного «де Голля», который сможет дать арабским жителям занятых в ходе Шестидневной войны территорий возможность самим решать свою судьбу.

Исследователи, занимающиеся теорией конфликта и мира, долго восхищались способностью Ш. де Голля и А. Садата изменить направление затянувшегося конфликта и достигнуть его успешного завершения. Однако мирный процесс между Израилем и Египтом, как и борьба Алжира за свою независимость, представляют собой принципиально иные по характеру феномены, чем попытка разрешить палестинскую проблему. Конфликт между Египтом и Израилем был с самого начала конфликтом между двумя государствами. Панарабская риторика Г.А. Насера переводила конфликт с Израилем в региональное, и даже цивилизационное, русло, однако после распада Объединенной Арабской Республики, кончины Г.А. Насера и прихода к власти А. Садата противостояние между странами вернулось в билатеральный формат.

Обращаясь к опыту Франции в Алжире, можно утверждать, что этот конфликт, хотя и был частью общего процесса деколонизации, происходившего во многих странах третьего мира, разумеется имел, прежде всего, межгосударственное измерение. В тот период Франция уже обладала устоявшимися государственными институтами и двухвековой демократической традицией, позволившей ей провести в Алжире референдум о независимости и безоговорочно признать его итоги.

В отличие от израильско-египетского конфликта, конфликт между израильянами и палестинцами никогда не был межгосударственным; в отличие от борьбы между Францией и Алжиром, в центре его находится не только судьба спорной территории, но и вопросы, связанные с идентичностью, безопасностью и хозяйственными системами обеих групп населения. Французы не определяли свою идентичность через призму конфликта в Алжире, это не был структурообразующий компонент их национального и гражданского самосознания, борцы за независимость Алжира не претендовали над контроль над какими-либо местами, являющимися сакральными для французов. Ситуация в отношениях между палестинскими арабами и евреями-израильянами принципиально иная: обе общины претендуют на контроль над одними и теми же территориями, на которых расположены объекты, имеющие наивысшую историко-религиозную значимость для обоих народов, через призму которых эти народы конструируют свое не только конфессиональное, но даже и национально-гражданское самосознание, будь то Стена Плача и Храмовая гора в Иерусалиме, могила праотцев в Хевроне или могила в Шхеме, которая является то ли местом захоронения праотца Иосифа, то ли шейха Юсуфа аль-Двейка. Следует подчеркнуть, что в основе конфликта

между евреями-израильянами и палестинскими арабами — противостояние двух народов в борьбе за одну и ту же землю, здесь практически невозможно провести пограничные линии. Более того: в борьбе между собой выкристаллизовались израильское и палестинское самосознание как таковые, взаимная ненависть между двумя народами фактически сформировала их. Как ни грустно это признать, но именно ненависть к евреям отличает палестинцев от других арабских народов, и именно убежденность в том, что все арабы — враги, отличает израильян от других евреев планеты. Этот конфликт очень далек от той стадии, на которой его можно было бы перевести в межгосударственное измерение.

Некоторые обозреватели считают, что палестино-израильский конфликт начался в конце 1880-х годов, когда первые еврейские поселенцы стали прибывать в подконтрольную Османской империи Палестину. Другие же полагают, что отправной точкой стало установление мандатного правления Великобритании над Палестиной сразу после обнародования ею 2 ноября 1917 года просионистской Декларации Бальфура. Однако наиболее распространенной (при этом, на самом деле, неверной) датировкой является 1948 год — год основания Государства Израиль. Израиль сразу же после провозглашения независимости подвергся нападению со стороны окружающих его арабских стран, которые в течение десятилетий публично отрицали его право на существование, хотя тайная дипломатия между сторонами имела место быть на протяжении десятилетий.

Для палестинцев поражение арабских стран в начатой ими сразу после провозглашения независимости Государства Израиль войне стало национальной катастрофой: 80% арабского населения бежало или было вытеснено с тех зе-

мель, которые в результате итогов войны были объявлены суверенной территорией Израиля; многие из этих людей и их потомков до сих пор живут в лагерях беженцев. Между 1949 и 1967 годами контроль, причем весьма эффективный, над Западным берегом осуществляла Иордания, которая распространила на эти территорию свою юрисдикцию, Газу же оккупировал, но не аннексировал Египет. После 1967 года Западный берег и сектор Газа перешли под израильский контроль, при этом Израиль, подобно Египту, не включил эти территории (за исключением Восточного Иерусалима) в границы своего суверенитета. До создания ПНА в 1994 году палестинские жители Газы на протяжении сорока шести лет жили в статусе жителей оккупированных территорий, не имея какого-либо гражданства.

Трансформация палестино-израильского конфликта происходила постепенно, но центральным событием на этом пути стало взаимное признание ООП и Израиля в рамках подписания Декларации принципов (так называемое соглашение Осло-1) в сентябре 1993 года. Декларация принципов стала результатом целого ряда тайных встреч между высшими руководителями Государства Израиль и ООП, которые последовали вслед за аналогичными встречами неофициальных представителей Израиля и палестинцев¹⁴. Декларация принципов и последующие соглашения, заключенные в 1994–1995 годах, привели к созданию ПНА и проведению выборов на Западном берегу и в секторе Газа. ПНА получила контроль сначала над сектором Газа и над Иерихоном, а затем над всеми остальными арабскими городами Западного берега. Согласно соглашению от 1995 года было выделено три зоны: в зоне «А», включавшей шесть городов — Дженин, Шхем (Наблус), Тулькарем, Калькилию, Рамаллу, Бейт-Лехем (Вифлеем) и, с оговорками, Хеврон —

палестинские власти были полностью ответственны за внутренние дела и безопасность; в зоне «В» палестинские власти были ответственны за внутренние дела, а Израиль — за вопросы безопасности; в зоне «С», включавшей еврейские поселения на Западном берегу, стратегически важные магистраль, район Иорданской долины и незаселенные территории, Израиль сохранил полный контроль. Реализация этих соглашений шла медленно и зачастую отставала от графика, намеченного в ходе переговоров, но все же шла, несмотря на терроризм и другие акты насилия.

Убийство Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года и взрывы, устроенные палестинскими террористами-смертниками в автобусах Иерусалима и Тель-Авива в феврале–марте 1996 года, привели к смене правительства в Израиле. В мае 1996 года премьер-министром в ходе прямых выборов был избран Б. Нетаньяху, после чего была сформирована правящая коалиция во главе с правоцентристской партией «Ликуд». Хотя изначально Б. Нетаньяху не планировал продолжать переговоры с Я. Арафатом, как минимум, — в формате процесса Осло, инициированные палестинским лидером в сентябре 1996 года масштабные волнения, поводом для которых было объявлено открытие Израилем второго выхода в «туннеле Хасмонеев» (участка древнего водовода и улицы хасмонейско-иудианского периода, проходящий от площади у Стены Плача до Виа Долороза), показали, насколько ограничены возможности для маневра, и как немного, на самом деле, может сделать премьер-министр Израиля, пусть даже и имеющий значительный кредит доверия в связи с победой на всеобщих выборах. Я. Арафат заявил, что израильтяне хотят с помощью туннеля подрвать фундамент мечети аль-Акса и, таким образом, разрушить ее, освободив место для строительства своего Храма. Несмотря на очевидный

абсурд этого заявления, в Иерусалиме и в некоторых районах на контролируемых территориях произошли серьезные беспорядки и вооруженные столкновения; впервые палестинская полиция применила оружие против израильских сил безопасности; погибло 15 израильтян и 52 палестинских араба. Дело дошло до того, что арабы с Храмовой горы бросали камни на молящихся у Стены Плача евреев. Чтобы остановить волну насилия, президент США Б. Клинтон в авральном порядке пригласил к себе премьер-министра Б. Нетаньяху и главу ООП Я. Арафата, а также руководителей Иордании и Египта. Таким образом, Я. Арафату удалось добиться возвращения палестинской проблемы в повестку дня наиболее влиятельных мировых лидеров. Вместе с тем, вся логика его действий отчетливо характеризовала его не как государственного, а как революционного общинного лидера, который планирует свои шаги в расчете на скорое вмешательство извне со стороны других государств или международных организаций. Логика Осло строилась на том, что все возникающие между ними проблемы сторон будут обсуждать и урегулировать в ходе прямых контактов между собой. Положение, сложившееся в конце сентября 1996 года, свидетельствовало о значительном откате назад: стороны сами не смогли договориться, а вспышка насилия заставила вмешаться более «политически зрелых» и ответственных посредников, выступивших гарантами достигнутых соглашений.

В этом формате контакты между представителями сторон продолжались и дальше: центральную роль в переговорах играли не столько сами израильтяне и палестинцы, сколько посредники, которые определяли время проведения переговоров, их тематику и даже те границы, в рамках которых обсуждение считалось легитимным; они же пред-

ставляли сторонам свои «компромиссные» предложения, когда переговоры раз за разом заходили в тупик. Это имело как свои плюсы, так и минусы: представители сторон, в особенности — палестинские лидеры, взяли за правило при каждом удобном случае «возвращать мяч» американским дипломатам, надеясь, что те, надавив на членов израильской делегации, добьются для них лучших условий соглашения. Раз за разом «сдавая» очередную «красную черту», израильские представители обнаруживали, что палестинские партнеры по переговорам инициировали очередной «кризис мирного процесса», вынуждая американских посредников вмешаться, призывая израильтян «проявить гибкость» и «продемонстрировать творческий подход» — оба эти эвфемизма традиционно означают, что от Израиля ожидаются новые уступки.

Нужно сказать, что в целом подобная ситуация вполне устраивала американцев, так как превращала их в незамеченных ключевых игроков ближневосточной политики, без которых никакие позитивные сдвиги невозможны в принципе; в конце концов, именно на достижение подобного положения была направлена вся челночная дипломатия Генри Киссинджера¹⁵. Однако эта стратегия устраивала американцев тогда, когда она заканчивалась успехом, как это и было в ходе израильско-египетских переговоров 1970-х годов. Информация о кризисах в мирном процессе регулярно публиковалась в прессе, и тот факт, что сначала были подписаны два соглашения о разъединении войск (в 1974 и 1975 годах), затем — рамочное соглашение о мире на Ближнем Востоке (в 1978 году), а в завершении — полноценный мирный договор между двумя странами (в 1979 году), в глазах мирового общественного мнения превращал американских посредников в кудесников. Однако важно понимать, что американцы,

на самом деле, не сколько посредничали между израильянами и египтянами, сколько навязывали обеим сторонам свои условия, пытаясь доказать им — и прежде всего, только вышедшим из под советской опеки египтянам — что американское посредничество позволит им заключить более выгодный договор. Эта стратегия никак не могла привести к успеху в иной ситуации, когда одна из сторон в переговорах, по тем или иным причинам, заинтересована в участии в «мирном процессе», но не стремится при этом к заключению обязывающего соглашения: именно такой была ситуация в ходе саммита в Кемп-Дэвиде в 2000 году, в котором участвовали и госсекретарь Мадлен Олбрайт, и президент Билл Клинтон, не говоря уже о государственных деятелях и дипломатах не столь высокого ранга, однако, никто из них не смог убедить Ясира Арафата подписать итоговое соглашение, предусматривающее, в частности, декларацию о завершении конфликта и отказе от взаимных претензий. Будучи по натуре лидером национально-освободительного движения, а не государственным деятелем, Я. Арафат не смог закончить стадию «борьбы», в результате чего переговоры закончились крахом, а американские посредники выглядели, прямо скажем, не лучшим образом. Тогдашний министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами справедливо констатировал: «Арафат — не лидер, он весь находится в плену мифов. ... Лидер принимает решения, которые порой возмущают людей, оказавших ему поддержку, и тогда он расплачивается за это ценой своей собственной карьеры. Бен-Гурион, Садат, Бегин, Рабин, Де Голль, решая проблему Алжира, Никсон, начавший процесс нормализации отношений с Китаем, де Клерк в Южно-Африканской Республике были такими лидерами. Арафат же не является лидером, который встречается лицом к лицу с обществен-

ными потрясениями, напротив, он скорее избегает их»¹⁶. Эти черты личности Я. Арафата американцы изменить не смогли, а именно эти характеристики в критический момент и оказались решающими.

В результате, добившись статуса единственной мировой сверхдержавы и став, фактически, единственным посредником в арабо-израильском переговорном процессе, американцы оказались и основными виновниками провалов в региональном миротворчестве. Так, израильский политолог Рон Пундак, бывший одним из архитекторов соглашений Осло, описывая неудачу саммита в Кемп-Дэвиде, констатировал: «Можно сказать, что мир между израильянами и палестинцами просто невозможен. Или можно предположить, что мир возможен, но обе стороны пока не признали его как единственную жизнеспособную альтернативу и, поэтому, пока не готовы пойти на тяжело дающиеся, но необходимые, уступки. Однако факты указывают на третье объяснение: в действительности, возможность достичь мирного соглашения существовала, но она оказалась упущена в результате просчетов и неправильного руководства всем переговорным процессом»¹⁷.

Палестинский исследователь Хусейн Агха также был склонен обвинять американцев, утверждая, что Кемп-Дэвидский саммит 2000 года, в котором приняли участие Э. Барак, Я. Арафат и Б. Клинтон — «воссозданный» саммит 1978 года между М. Бегиним, А. Садатом, и Дж. Картером — был проведен неудачно и не вовремя. США играли в переговорах несколько различных ролей: роль «главного гаранта» предполагаемого мирного соглашения; роль защитника мирного процесса; роль стратегического союзника Израиля, его политического и культурного партнера. Эти роли были внутренне противоречивыми, преуспеть в каждой из них